

Цикл хоров Дмитрия Шостаковича

Мариан КОВАЛЬ

Государственный хор русской песни и хор мальчиков Государственного хорового училища исполнили под управлением А. В. Свешникова «Десять поэм» Д. Д. Шостаковича.

Этот цикл хоров а capella, создававшийся почти одновременно с 24 прелюдиями и фугами для фортепиано, по своему содержанию резко контрастирует отвлеченным прелюдиям и фугам, во многом связанным с модернистическим прошлым композитора.

Период после 10 февраля 1948 года в творчестве Шостаковича ознаменовался многими радостными удачами, нашедшими особенно яркое выражение в «Песни о лесах» и в музыке к кинофильму «Падение Берлина».

Но наряду с удачами были в его творчестве и этот период и срывы. Когда он отрывался от больших современных программных задач, оставаясь наедине со своими отвлеченными музыкальными мыслями, груз прошлого вновь настойчиво давал о себе знать. Тогда снова возникали режущие слух диссонансы, надуманные конструкции, утомительно развертываемые, тягучие темы, нервически-болезненные образы, столь знакомые нам по многим прежним произведениям Шостаковича.

Новый хоровой цикл вдохновлен образами русской революционной поэзии 1890—1917 гг. Стихи Л. Радица, А. Коца, Е. Тарасова, А. Гмырева и В. Тана-Богораза, которые композитор взял для своего цикла,—это смелые, пламенные призывы к борьбе с царской тиранией либо правдивые зарисовки сурового и тяжкого быта революционеров-рабочих того времени. Стихи эти не поднимаются до художественных высот поэзии русских классиков, некоторые из них поэтически несовершен-

ны, однако жизненность их образов, непосредственность чувства, подлинный пролетарский оптимизм впечатляют нас до сих пор. Мы как бы ощущаем горячую взволнованность, биение благородных сердец поэтов русского рабочего класса, «распрямявшего спину» в борьбе против ненавистного эксплуататорского строя. Эта взволнованность отразилась и в музыке хоров Шостаковича, наполненной жизненным эмоциональным содержанием, оптимистичной по своему существу.

С точки зрения приближения к высотам большого реалистического искусства этот цикл является шагом вперед даже по сравнению с ораторией «Песнь о лесах», столько в нем нового и необычного для Шостаковича. В цикле есть и недостатки. Кое-что в нем еще «недозрело», порой кажется фрагментарным и эскизным; иные темы суховаты: декламационность преобладает в них над широкой распевностью и обобщенной мелодической образностью, которые требуются в разрешении данной темы. В ряде номеров цикла ощущается разрыв между формой и содержанием.

Незавершенным эскизом представляет нам первый хор цикла—«Смелей, друзья, идем вперед!» на слова Л. Радица. Начало хора эмоционально ярко, целеустремленно и романтично, оно родственно по духу прекрасным гимническим хорам из оперы «Декабристы» Ю. Шапорина:

Однако в последующих тактах сердечность музыки, ее романтичность, ее естественный мелодический ток уступают место скупой декламации, официальной аккордово-гармонической фактуре:

Быстро наступающая реприза, приводящая к новой тональной окраске (D-dur), вносит вновь романтически одухотворенное начало, но и эта мысль остается брошенной и неразвитой; хор заканчивается вялой, малоубедительной кодой.

Таким образом, первый хор цикла не может претендовать на наименование поэмы; вследствие серьезных изъянов формы и неразвитости отличной начальной темы хор оставляет впечатление известной незавершенности.

Музыка второго хора — «Один из многих» (слова Е. Тарасова), видимо, навеяна интонационным материалом известной русской революционной песни «Слушай», основанной на характерных триольно-речитативных оборотах. Подобная же речитация появляется и в последующих номерах цикла: этот характерный прием, встречающийся и в других революционных песнях («Узник», «Пыльной дороге», «Казнь»), привлёк внимание композитора значительно больше, чем область широкой распевности. Начало и конец второго хора, повествующего о горькой судьбе юного революционера, замученного в тюремном застенке, очень выразительны, декламационно проникновенны и превосходны по своему хоровому

звучанию. Особенно впечатляет мелодический речитатив на фоне выдержанных нот альтов:

В среднем эпизоде хора, в целом захватывающем мощным и гневным нарастанием звучности, есть и тусклые, невыразительные моменты, в которых автор попадает в плен чисто инструментального мышления; так, например, фактура, подобная приведенному ниже образцу, скорее была бы пригодна для струнного квартета, нежели для хора а capella:

Хорошо развивается хор и дальше. Колыбельные попевки передаются сопрано и тенорам, а в нижних регистрах альтов и басов звучит в октаву суровый речитатив на одной ноте: «Спите, братья, с честью павшие». Это отличный хоровой прием. Композитор находит светлые лирические музыкальные краски для слов:

Ночью снова баррикадами
Город обовьем,
Утром свежими отрядами
Снова в бой пойдём.

Его музыка здесь пленяет какой-то особенной внутренней чистотой. Через восхитительную внезапную модуляцию:

композитор приходит к репризе, которую завершает светлым, но все же чрезмерно умиротворенным концом.

Исключительную творческую смелость проявил Шостакович в восьмом хоре цикла—«Они победили» (слова А. Гмырева). Непрерывно развивающийся гневный ораторский речитатив, клеймящий кровавых царских палачей—ненавистных врагов революции, буквально захватывает слушателя. Трудную и сложную тему Шостакович разрешил психологически точными интонациями, ни разу не впадая в фальшь, ни разу не перейдя от эмоциональности к риторике. Каждый куплет текста, начинающийся с рефрена «Они победили», звучит с новой силой, музыкальное действие стремительно развивается. Трудно понять, как мог А. Б. Гольденвейзер не услышать смелой динамики этого сочинения, не ощутить его реалистического новаторства и объявить эту музыку «ритмически монотонной, надуманной»¹.

Серьезным недостатком этого хора является недоработанность его финала. Хор

как бы обрывается. Все ресурсы верхних регистров голосов уже использованы, никакое торможение ритма не может сделать финал впечатляющим—наоборот это торможение только снижает размах динамики. Нарастающий ритм хора следовало бы довести до логической кульминации, а утвердительные фразы перенести в низкие регистры; так при помощи естественного контраста мог бы быть создан более убедительный финал.

Торжественное праздничное настроение господствует в девятом и десятом хорах—«Майской песни» на слова А. Коца и финальном хоре на слова В. Тана-Богораза (перевод из Уота Уитмана). Второй из этих текстов особенно примечателен среди лучших образцов революционной поэзии прошлого. Известно, что вдохновенные строки этого стихотворения цитировал в свое время товарищ И. В. Сталин в одном из писем к Демьяну Бедному:

Мы живы: кипит наша алая кровь
Огнем неистраченных сил.

Эти пламенные стихи, воспевающие радость творческого труда, прославляющие «владычицу мира—борьбу», представляют благодарнейший материал для музыкального воплощения. К сожалению, два последних номера не оказались вполне достойным завершением хорового цикла Шостаковича.

Первые двенадцать тактов хора «Майская песнь» служат внушительной заставкой, воздействуя своей прямолинейной лозунговостью:

Однако далее этот образ не получает какого-либо интересного развития. Композитор создает лишь внешнюю видимость движения (несколько напоминающего приемы хора «На улицу!»). Отсутствие мелодического начала скоро дает себя знать; напряженные модуляционные отклонения и надрывное фортиссимо хо-

¹ А. Гольденвейзер. «Песни борьбы и побед». «Советское искусство» от 10 ноября 1951 года.

а не спасают дела, а только усиливают
завязчивость риторики.

Заключительная песня по замыслу ав-
тора, видимо, должна была завершить
цикл гимническим солнечным финалом, в
тексте которого перефразируются извест-
ные пушкинские строки «Да здравствует
солнце, да скроется тьма»:

Да скроется сумрак, да здравствует свет!
Мы вестники новых времен!
Весна молодая идет нам во след
Под сенью несчетных знамен!

К сожалению, в этом хоре Шостакович
не пошел дальше перепевов своих же ин-
тонаций, известных по оратории «Песнь
в лесах» и музыке к кинофильму «Падение
Берлина»:

Музыкальный фрагмент, представляющий хор. Он состоит из нескольких голосов (верхний, средний и нижний регистры). Мелодия строится на повторении коротких интонационных фраз. Под нотами напечатаны русские слова: «Ле ти, на ша пес ня, ле ти, на ша пес ня, ле ти, на ша пес ня, ле ти, на ша пес ня». В некоторых местах слова повторяются или сокращаются, что соответствует ритму музыки.

Неустойчивая, волнистая мелодика,
большое количество излишних гармониче-
ских блужданий (особенно перед хораль-
ной, довольно трафаретной кодой), туск-
лая тональность (Ges-dur) и отсутствие
полифонии никак не делают этот растя-
нутый хор убедительным завершением
смелой, интересно задуманной работы.

Подведем итоги.

Волнует и радует стремление Шоста-
ковича решительно выйти из модернисти-
ческих лабиринтов прошлого на широ-
кую дорогу русской советской реалисти-
ческой музыки.

В некоторых номерах цикла, особенно
в четвертом, шестом, седьмом и восьмом,

композитор достиг в новом для него жан-
ре хоров а capella большой художествен-
ной убедительности. Мелодические речи-
тативы в них действенны, ярко вырази-
тельны. Сюжетная конкретность, картин-
ность музыки этих номеров чрезвычайно
впечатляют и свидетельствуют об огром-
ных возможностях Шостаковича в обла-
сти программных жанров музыкального
искусства. Развитое чувство реалистиче-
ской интонации в мелодическом речи-
тативе и точное ощущение хоровых звуч-
ний—залог будущих успехов Шостакови-
ча в самом важном жанре музыкального
искусства, в опере.

Недостатки нового хорового цикла вы-
разились, во-первых, в почти полном от-
сутствии широкой мелодической напев-
ности. В этом направлении усилия Шо-
стаковича должны быть умножены—воз-
можности его успехов здесь неисчерпае-
мы, судя по многочисленным зачаткам
широкой песенности, имеющимся во мно-
гих его произведениях. Далее, досадные
неудачи постигли композитора в тех эпи-
зодах цикла, в которых он не нашел гар-
моничного сочетания музыкальной формы
с поэтическим содержанием текстов. Осо-
бенно остро это сказалось в мажорных,
гимнообразных хорах. Несомненно, что
форма художественного произведения не
может быть нейтральна. Рожденная по-
этическим содержанием, она, в свою оче-
редь, будучи правильно и убедительно ре-
шенной, способна усилить и углубить об-
разное звучание произведения. И наобо-
рот, неполноценная форма всегда снижа-
ет и само содержание произведения, да-
же вопреки верному идейному замыслу.
Борьба за полное единство социалистиче-
ского содержания и национальной фор-
мы—самая существенная задача для
развития советского музыкального твор-
чества. И наконец, третий, едва ли не са-
мый существенный фактор, обусловивший
недостатки хорового цикла Шостакови-
ча,—это недостаточно отчетливый идей-
ный замысел произведения, недостаточно
активное отношение композитора к общей
сюжетной конструкции цикла.

В цикле явно нехватает действенного
хорового эпизода, отображающего куль-
минационные декабрьские дни 1905 года
—вооруженное столкновение революцион-
ных рабочих с царским самодержавием.
Если бы удалось дополнить цикл яркой
героической картиной на эту волнующую

тому, его общее идейное звучание значительно выиграло бы. Было бы весьма желательным использовать хотя бы в отрывках такие замечательные, классические образцы русской революционной поэзии кануна 1905 года, как «Песня о Буревестнике» и «Песня о Соколе» Максима Горького.

Некоторые из текстов, положенных в основу цикла, выиграли бы от тщательной поэтической доработки.

Будем надеяться, что Шостакович еще вернется к этой выдающейся своей работе, считая существующую редакцию предварительной.

* * *

«Десять поэм для хора» были с большим энтузиазмом исполнены в Большом зале Московской консерватории Государственным хором русской песни и хором мальчиков Хорового училища под опыт-

ным и волевым руководством А. В. Свенникова. Огромные трудности этого произведения были с успехом преодолены. Дирижер и все исполнители вложили в свою работу много любви, вдохновения, огня мастерства. Несомненно, что исполнение цикла после его продолжительного «вплевания» будет еще более совершенным.

Коллектив Государственного хора русской песни в художественном отношении значительно вырос и способен преодолеть большие исполнительские трудности. Профиль хора и разнообразные его репертуарные накопления значительно шире его наименования. Это подлинный Государственный академический хор Союза ССР, талантливо исполняющий русские песни, русскую и западную классику, советские хоровые произведения, музыку стран народной демократии. Не наступило ли время дать хору надлежащее наименование?

